

Четверть века на сцене

ОЧЕРК

Шли репетиции спектакля. Одна сцена сменялась другой. Люди боролись за свободу и счастье, познавали путь ошибок и раскаяния, любили, страдали, жертвовали своими жизнями во имя правды. Казалось, что все идет хорошо и понятно. Но постановщик явно был недоволен. Правильно понимая основную идею спектакля, он видел, что отдельные детали не получались. Одни актеры не поняли своей задачи, другие просто не дотягивали: не хватало темперамента, голоса, внешних данных. И тогда режиссер начинал сначала, объясняя, что должен чувствовать актер, красочно рисовал «предлагаемые обстоятельства», в которых он должен действовать. Объяснив, он просил актера повторить еще и еще раз отдельные эпизоды, пока тот не начинал говорить живым языком, не появлялись нужные интонации, не начинали по-настоящему выглядеть чувства любви, ненависти, негодования. И только тогда режиссер переходил к другому эпизоду, картине, акту.

Афиши по городу гласили: «Готовится новый спектакль «Азиз в Санам». Режиссер постановщик заслуженный артист УзССР Салим Ахмедов»...

Любовь к искусству появилась у Салима Ахмедова давно, когда ему не было еще и 15 лет.

Из Коканда в кишлак Беш-Арык приехал первый музыкально-драматический театр, организованный Хамзой Хаким-заде Илязи, слава о

котором шла по всей Ферганской долине.

Как зачарованный смотрел Салим представление артистов. Так хотелось попасть туда, к ним на сцену, и понять мир этих загадочных, «необыкновенных» людей.

После представления, набравшись смелости, взволнованный мальчик подошел к Хамзе и робко, боясь, что ему откажут или поднимут на смех, спросил:

— А мне можно к вам? Я тоже хочу играть на сцене.

— Конечно, можно. Но мы скоро уедем, а родители навряд ли тебя отпустят с нами. Будет лучше, если ты здесь, у себя, будешь ходить в драмкружок и товарищей приведешь...

— А такой кружок будет у нас? — Будет.

У мальчика радостно заблестели глаза.

— Рахмат, Хамза-ака. Я обязательно буду ходить...

...Отец и слышать не хотел о сцене.

— Убью, — говорил он, — если ты пойдешь по следам этих голодранцев и бесстыдников. Посмотри, как живет наш сосед. От торговли он так разбогател, что не знает, куда девать деньги. Ты тоже должен стать торговцем, яли я вышибу всю дурь из твоей головы. А твой поганый язык вырву, чтобы

ты не смел говорить при мне такие вещи.

Мальчик молчал на угрозы отца, а вечером, когда в доме все утихло, он тайком шел на репетиции. Ставили пьесу «Падаркуш». Принимали участие главным образом юноши из «Союза молодежи», членом которого являлся и Салим (также втайне от отца). Первая роль так захватила мальчика, что он лишился сна и аппетита.

И, наконец, спектакль состоялся... Салим настолько волновался, что не помнил, как он сыграл, что он делал и говорил. Но одно запомнилось ему на всю жизнь: по ходу действия в сцене раскаяния он плакал настоящими слезами. Вместе с ним плакали многие зрители... Это было в 1922 году.

А в 1924 году, учась в педагогическом техникуме в Коканде, Салим Ахмедов сам руководит драматическим кружком. Ставили много пьес. Были успехи и неудачи. Но явно одно — народ шел, смотрел и над многим задумывался.

Разъезжая по всей Ферганской долине, кружковцы несли со сцены большевистскую правду, звали быстрее вступить в новую жизнь.

Успех был общепризнанным.

В 1929 году весной, по поручению горсовета, Салим Ахмедов организует молодую группу при женском клубе в Фергане, в которой начались творческие биографии будущей народной артистки УзССР М. Тургунбаевой и заслуженной артистки Х. Рахимовой.

Здесь определилось и будущее Салима Ахмедова.

Шел 1931 год. В кабинете секретаря горкома партии происходил разговор.

— Так вот, товарищ Ахмедов, пора переключаться с драмкружков на более серьезное — театр. И вам пора, и городу театр нужен.

— Нужен-то нужен, да справлюсь ли я?

— Справитесь. Вы будете не один. Поможет. Да и Ташкент недалеко.

И Ахмедов взялся.

Трудностей было много: не было помещения, не хватало средств, труппу собрать было трудно. Женщины в труппе почти не участвовали — шли с трудом, опаской и боязнью. Профессиональных артистов — ни одного, все пришли из кружков.

И вот тут-то и пригодились почти десятилетний опыт работы в самостоятельных коллективах, собственные выступления на сцене, кропотливая работа над ролями, работа как постановщика — все это помогло Ахмедову быстро войти в колею театральной жизни.

Но он понимал, что этого мало, нужны большие теоретические знания, знания профессионала...

...До рассвета не гас огонь в комнате Салима Ахмедова. До утра просиживал он над книгами, внимательно перечитывая произведения К. С. Станиславского, В. И. Немировича-Данченко, биографию и творческую деятельность М. Н. Ермоловой, В. Ф. Комиссаржевской. А П. Лесковского и других великих артистов.

Заочный институт театрального искусства, поездка в Москву и посещение там лучших театров страны, замечательные спектакли сильнейших режиссеров советской сцены обогатили знания, расширили кругозор и взбудоражили и без того живое воображение всегда ищущего, неутомимого режиссера из Ферганы, театральная жизнь которой только начиналась... Часами, как зачарованный, просиживал Салим Ахмедов на репетициях украинского театра им. Шевченко и Московского — им. Ленинского Комсомола, эвакуированных во время Отечественной войны в Фергану.

Много часов прошло в беседах с известным режиссером народным артистом СССР Берсеневым. Салим все больше и больше убеждался в преимуществе русской театральной школы, реалистической и выскоиндейной, построенной на элементах внутренних переживаний.

Все свои знания, многолетний опыт работы надо было передать актерам, режиссерам, молодым работникам сцены. И это происходило без трудностей. Были актеры, которые не признавали новую для Узбекистана школу актерского мастерства, реалистическую школу чувств и переживаний, которая пришла на смену школе представления. Кропотливой работой, от репетиции к репетиции, от образа к образу, от спектакля к спектаклю совершенствовал и оттачивал мастерство молодых артистов неутомимый режиссер Салим Ахмедов. Познали были «Прицесса Турандот» и «Платон Кречег», «Дохотное место» и «Вай и баграк», «Русский воп-

» и «Каменный гость» и много других произведений русской, зарубежной и узбекской драматургии. ...Много людей пришло попробовать С. Ахмедова, уезжавшего из канда в Фергану. Здесь были итеры Х. Маьсудов, П. Ахмедова, Мансурова, С. Насырова, Ф. Кавева — в недалеком прошлом его еники, а ныне любимцы коканд-ого зрителя. Провожала и лучшая о ученица — народная артистка еспублики С. Каримова. Здесь были и люди, которым когда-то и в м-то помог С. Ахмедов, являясь в яние 10 лет депутатом горсовета. Здесь были и постоянные слу-атели его интересных и содержа-тельных лекций, которые он чи-л, являясь лектором горкома ртии. Тепло расстались кокандцы С. Ахмедовым, хорошим актером, умчивым режиссером, человеком бьшой души.

...На наш вопрос: «Где можно видть Салима Ахмедова?» — работ-ик театра ответил:

— Салим Ахмедович? Он на сцене. Он почти всегда там — и когда говит спектакль, и после того, кз уже сдаст его. А вот и он! Навстречу нам шел, приветливо улыбаясь, мужчина лет 40, средне-г роста, с открытым, приятным лдом, умными, задумчивыми гла-зипи.

— Говорят, что вы и диюете и нуете на сцене? — обратились с вопросом после того, как на-ш знакомство состоялось.

— Ну это не совсем так, — воз-раил он. — А что присутствую на каком спектакле, поставленном мной, — это верно. Я считаю, что

это долг каждого режиссера. Ведь актер от спектакля к спектаклю может совершенствоваться свое мастерство — в этом преимущество театра перед кино. Там актера засняли, и если он через некоторое время улучшит свое исполнение, зритель этого уже не увидит. А в театре, исполняя много раз какую-то роль, актер ее оттачивает, кристаллизует, отбрасывает ненужную шелуху, оставляя главное.

Но, к сожалению, бывает и наоборот: актер заштамповывается, теряет интересное и оставляет только схему действий и переживаний того или иного действующего лица.

Чтобы этого не случилось, нужно вовремя предупредить актера, подсказать, остановить, помочь и, может быть, возобновить репетиции.

— Бывает деталь очень важной в спектакле, и потерять ее — значит потерять многодневные труды, не донести мысль спектакля до зрителя, — заключает свою мысль режиссер. — В этом трудность, но и преимущество нашего советского искусства. Выступление артистов в прошлом у нас носило только развлекательный характер, было на службе баев и ханов. А сейчас наша задача сделать искусство реалистическим, средством воспитания. Это почетный и обязывающий долг.

— Вы очевидно прошли большую школу? — спросили мы.

— Да, как вам сказать? Большую школу жизни.

Р. ЕГОРОВА.